

A detailed landscape painting in a medieval style. In the foreground, a figure in a red cloak and dark armor stands with their back to the viewer, looking out over a vast valley. The middle ground is filled with a dense, sprawling town of stone buildings with red-tiled roofs. A large stone bridge with multiple arches spans a river or gorge, connecting the town to the right. In the background, a massive, imposing castle with multiple towers and battlements sits atop a steep, rocky cliff. The sky is filled with large, billowing white clouds, and distant mountains are visible on the horizon. The overall tone is epic and atmospheric.

Александр Восьмой

**Клинки рассвета
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

Клинки рассвета (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Клинка рассвета (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Клинка рассвета: последний рывок. Юный мечник прорывается через осаждённый город, чтобы доставить послание, от которого зависит судьба королевства. На каждом перекрёстке — враги, ловушки и призраки прошлого, шепчущие ему не идти дальше.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Клинки рассвета (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Рассвет, который не обещал спасения»

Багровый свет стекал по стенам домов, словно кровь по лезвию. Он не был рассветом в привычном смысле — не тем нежным золотом, что будит птиц и согревает крыши. Это был огонь, пожиравший небо. Город, ещё вчера казавшийся живым, сегодня дышал тяжело, с хрипом, будто каждое его здание — израненный воин, сжимающий последние силы.

Кай вышел из полуразрушенной сторожки, пригнувшись под перекошенной балкой. Дверь, когда-то крепкая, теперь держалась на одной петле и скрипела, как стон. В руке он сжимал свиток — тонкий, но тяжёлый, будто в нём была заключена сама судьба. Печать короля, тёмно-красная, отливала чёрным в этом зловещем свете. Кай не смел смотреть на неё слишком долго: казалось, она прожигает пальцы.

Первый удар колокола ударил по ушам, как молот по наковальне. Звук прокатился по пустым улицам, и тишина, наступившая после, была громче любого крика. Этот звон был не призывом к молитве и не вестью о начале дня — это был приговор. Город уже знал: сегодня кто-то умрёт.

На окраине квартала, там, где улица сужалась между двумя обгоревшими лавками, путь перекрывал патруль. Трое наёмников — не солдаты, не рыцари, а те, кто продаёт сталь тому, кто больше заплатит. Их доспехи были покрыты копотью и царапинами, будто они сами были частью этого умирающего города. Один из них заметил Кая и что-то коротко бросил остальным. Лезвия со скрежетом покинули ножны.

Кай не успел подумать. Не успел вспомнить наставления, не успел испугаться. Он просто шагнул вперёд — потому что назад было нельзя. Сталь встретила сталь с визгом, от которого по коже побежали мурашки. Первый удар отозвался в плече, второй — в памяти.

В момент, когда клинок Кая скользнул по чужой броне, ему на миг почудилась тень отца. Не призрак, не видение — просто знакомый силуэт, будто он снова стоит на тренировочной площадке, а солнце слепит глаза, и отец говорит: «Держи запястье твёрдо. Сталь не любит сомнений». Тень качнула головой, будто хотела что-то сказать, но слова растворились в звоне металла.

Бой шёл не на жизнь, а на проверку: достоин ли он носить меч, достоин ли нести этот свиток. Наёмники не были мастерами, но их было трое, и они знали, как давить, как загонять в угол. Кай кружил между ними, используя узкие проходы, сбивая ритм, заставляя их мешать друг другу. Его движения были не отточенными, но отчаянными — и в этом отчаянии была своя сила.

Один из наёмников, самый крупный, сделал резкий выпад, целясь в грудь. Кай ушёл в сторону, перекатился, ударил снизу — и клинок вошёл точно в щель между пластинами доспеха. Наёмник рухнул, и мир на секунду замер. Двое оставшихся переглянулись — в их взглядах мелькнуло уважение, смешанное с яростью.

«Кто ты такой?» — прохрипел один из них, вытирая кровь с губ.

Кай не ответил. Он не знал, что сказать. Он был просто мальчишкой с мечом и свитком, которому нельзя было останавливаться.

Второй наёмник бросился вперёд, размахивая тяжёлым палахом. Кай встретил удар, и вибрация прошла по рукам до самых плеч. В этот момент он снова увидел тень отца — теперь она стояла прямо за спиной врага, указывая на его левую сторону. Кай рванул влево, туда, где броня была слабее, и его клинок нашёл цель.

Последний противник, оставшись один, отступил на шаг, будто только сейчас понял, с кем имеет дело. Он бросил короткий взгляд на свиток, будто хотел разглядеть печать, затем резко развернулся и исчез в переулке, оставив после себя только эхо шагов и запах гари.

Кай остался один посреди улицы, где воздух был густ от пепла и тишины. Его руки дрожали, но не от страха — от напряжения, от того, что он только что выжил. Он посмотрел на свиток: печать по-прежнему была на месте, целая, будто и не было никакого боя.

Тень отца растаяла, но его слова остались: «Сталь поёт только тогда, когда у тебя есть причина держать её». Кай сжал рукоять крепче. У него была причина. И он не собирался её терять.

Он двинулся дальше — туда, где город становился всё темнее, а враги — всё опаснее. Рассвет не обещал спасения. Но он давал шанс. И Кай собирался его использовать.

Глава 2. «Перекрёсток трёх дорог: выбор без права на ошибку»

Три дороги расходились перед Каем, будто три судьбы, и каждая шептала своё проклятие. Слева — рыночная площадь, где крики сливались в единый звериный рёв: мародёры рвали лавки, как голодные псы, и в этом хаосе легко было сгинуť, даже не заметив удара в спину. Справа — тёмный зев канализации, откуда тянуло сыростью и чем-то древним, будто под городом ворочалось забытое чудовище, пробуждённое войной. А прямо — крыши: острые гребни черепицы, узкие карнизы и пустота под ногами. Там ждали лучники, но там была скорость.

Кай не думал — он знал, что время стораёт быстрее, чем город. Свиток в перевязи будто пульсировал, напоминая: «Не стой». Он рванул вверх по обвалившейся лестнице, цепляясь за кирпичи, чувствуя, как крошится под пальцами прошлое. Черепица хрустела под сапогами, как сухие кости.

Первый прыжок — на соседнюю крышу. Второй — через пролёт, где ветер выл так, будто хотел сбросить его вниз. Кай двигался, не глядя под ноги: взгляд — только вперёд, только на следующий уступ. Здесь нельзя было сомневаться — сомнение означало падение.

Стрелы начали свистеть почти сразу. Первая прошла мимо, сорвав лоскут ткани с рукава. Вторая вонзилась в дерево балки в сантиметре от лица. Третья — Кай ушёл перекатом, и её оперение мазнуло по щеке, оставив тонкую царапину. Он не чувствовал боли — только холод металла и жар адреналина.

На середине маршрута, когда между крышами зиял особенно широкий разрыв, Кай замер на долю секунды. И в этот миг с соседней крыши сорвалась фигура. Чёрный силуэт на фоне багрового неба, плащ взметнулся, как крылья хищной птицы. Враг прыгнул не хуже Кая — может, даже лучше. И приземлился ровно там, где Кай собирался сделать следующий шаг.

Они замерли друг против друга, разделённые лишь метром пустоты. Кай видел лицо противника — холодное, сосредоточенное, без злобы, без ненависти, просто работа. На поясе у врага висели два коротких клинка, а на груди — странный знак: стилизованный глаз, переchёркнутый молнией.

— Ты слишком торопишься, мальчик, — голос прозвучал спокойно, почти устало. — Этот город не любит тех, кто бежит.

Кай не ответил. Слова здесь были лишними. Он сделал шаг назад, к краю, и, не глядя вниз, прыгнул вбок, на узкую галерею, которая вела вдоль стены. Черепица под ногами пошла трещинами, но он не останавливался. Враг последовал за ним — прыжок, приземление, ещё один. Теперь они бежали по одной линии, но по разным сторонам карниза, будто две тени, повторяющие друг друга.

Стрелы продолжали лететь. Одна ударила в стену рядом, выбив сноп искр из камня. Другая просвистела над головой, и Кай почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Он знал: внизу тоже есть враги, они направляют лучников, ведут его, как зверя, к ловушке.

Галерея закончилась внезапно — стена обрушилась, оставив лишь узкий выступ. Кай замер, чувствуя, как под сапогом крошится камень. Впереди — тупик. Позади — враг. Слева — пропасть. Справа — стена, по которой можно попробовать подняться, но времени на попытку почти не было.

Враг остановился на другом конце выступа, оценивая ситуацию. Его губы тронула лёгкая усмешка — не издевательская, а почти уважительная.

— Хороший прыжок, — сказал он. — Но здесь ты закончишь.

Кай посмотрел вниз. Там, в переулке, мелькнули силуэты — мародёры, привлечённые шумом. Они поднимали головы, замечая его, и в их глазах читался голод.

И тогда Кай вспомнил слова отца: «Когда нет пути вперёд — ищи путь вверх. Когда нет пути вверх — создай его».

Он не стал ждать. Резко оттолкнувшись, он прыгнул не вперёд и не вниз, а вверх, цепляясь пальцами за трещины в стене. Камень царапал кожу, но он держался. Один рывок, второй, третий. Над головой мелькнула тень — враг попытался достать его клинком, но промахнулся. Кай подтянулся, перевалился через край и оказался на плоской площадке, где ветер гудел, как боевой рог.

Здесь не было ни врагов, ни ловушек — только небо, которое уже начинало светлеть, и город, раскинувшийся внизу, как раненый зверь. Кай на секунду замер, переводя дыхание. Свиток был цел. Руки кровоточили, но держали.

Снизу донёсся крик — враг звал подкрепление. Значит, времени оставалось ещё меньше.

Кай снова побежал. По крышам, по карнизам, по граням мира, который рушился вокруг него. Он знал, что впереди будет ещё хуже. Но он также знал, что пока он бежит — у королевства есть шанс.

Рассвет становился ярче, но не теплее. Город всё ещё горел. И Кай мчался сквозь пламя, не оглядываясь. Потому что оглядываться — значило проиграть.

Глава 3. «Рынок, где торгуют страхом»

Рынок не умер — он переродился. Там, где раньше звенели монеты и пахло свежим хлебом, теперь витал запах гари, железа и чего-то сладковато-гнилостного. Толпа текла по узким рядам, как тёмная река: мародёры хватали всё, что можно унести, торговцы выкрикивали цены на вещи, которые уже ничего не стоили, а между ними скользили фигуры в грязных плащах — те, кто пришёл сюда не за добром, а за силой.

Кай нырнул в этот хаос, прижимая к груди перевязь со свитком. Он старался держаться ближе к стенам, чтобы не потерять ориентацию, но рынок будто жил своей жизнью: ряды сдвигались, проходы исчезали, а новые появлялись там, где их не должно было быть. Каждый крик отдавался в висках, каждый взгляд из толпы казался прицельным.

И среди этого шума Кай слышал другое. Не ругань, не торг, не плач — шёпот. Тихий, ритмичный, будто песня, сплетающаяся из десятков голосов. Он замер на мгновение, прислушиваясь, и понял: это не просто бормотание испуганных людей. Это были слова — чужие, тяжёлые, наполненные весом веков. Заклинания.

Он выглянул из-за угла и увидел их. Культисты. Они не носили ярких одежд и не размахивали знамёнами — напротив, старались слиться с толпой, стать её тенью. Но их выдавали движения: слишком ровные, слишком выверенные, будто каждый шаг был частью ритуала. В центре площади они очертили круг из пепла и обломков, а в центре круга стоял предводитель — высокий, худой, с лицом, будто высеченным из камня. Его глаза были закрыты, а губы беззвучно шевелились, произнося слова, от которых воздух становился гуще.

Свиток в руке Кая вдруг потяжелел. Не просто стал тяжелее — он словно наполнился невидимым грузом, будто магия, витавшая над площадью, тянулась к печати, хотела впиться

в неё, поглотить. Кай стиснул зубы и сделал шаг вперёд. Нельзя было останавливаться. Нельзя было дать им почувствовать, что он здесь.

Но толпа сама вытолкнула его на открытое место. Кто-то врезался в него сбоку, другой рванул за рукав, пытаясь сорвать плащ. Кай отмахнулся, не глядя, и клинок сам лёг в руку — привычно, уверенно, как будто сталь знала, что сейчас будет бой.

Предводитель культа открыл глаза. Они были чёрными, без зрачков, будто в них не осталось ничего человеческого. Он слегка наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, и его губы растянулись в лёгкой, почти вежливой улыбке.

— Ты чувствуешь это, мальчик? — его голос прозвучал не громко, но так, будто он говорил прямо в голове Кая. — Сила ищет свой путь. Она хочет вернуться. А ты несёшь ключ.

Кай не ответил. Он не собирался вступать в разговоры. Он рванулся вперёд, вклиниваясь в ряды культистов, заставляя их разрывать строй. Сталь пела, рассекая воздух, отбивая удары, находя щели в защите. Он двигался не как воин, а как вихрь — быстро, безжалостно, не давая противнику времени на заклинания.

Один культист упал, второй отступил, третий попытался схватить Кая за руку, но лезвие прошло по запястью, и хватка ослабла. Кай не смотрел на раны, не считал врагов — он видел только цель: предводителя, который теперь стоял прямо перед ним, не пытаясь уклониться, не защищаясь.

— Брось это, — прошептал голос, но не из уст врага, а будто изнутри, из памяти, из теней прошлого. — Брось. Город уже мёртв. Никто не спасётся.

Это был не один голос. Их было много. Голоса тех, кто когда-то стоял на этом рынке, кто торговал, смеялся, жил. Теперь они шептали из пустоты, умоляли, требовали. «Оставь. Уходи. Здесь нет надежды».

Кай на секунду замер. Его рука дрогнула, и свиток чуть не выскользнул из пальцев. Но в тот же миг перед глазами вспыхнул образ отца — не тень, не призрак, а воспоминание: твёрдое лицо, строгий взгляд и слова, сказанные на пороге дома, когда Кай уходил в свой первый поход: «Надежда — это не то, что дают. Это то, что берут».

Он крепче сжал свиток. И шагнул вперёд.

Предводитель улыбнулся шире, будто ждал именно этого. Он поднял руку, и воздух вокруг него дрогнул, как над раскалённым камнем. Магия собиралась в его ладони, готовая вырваться наружу, сжечь, сломать, подчинить.

Но Кай не дал ему времени. Он прыгнул, вкладывая в удар всю свою ярость, весь страх, всю решимость. Сталь встретила невидимую преграду, искра вспыхнула, и на мгновение мир замер. А потом барьер треснул, рассыпался осколками света, и клинок вошёл точно в цель.

Культисты отшатнулись, будто разом выдохнули. Круг из пепла погас, слова заклинания растворились в воздухе, не успев обрести силу. Предводитель рухнул на колени, его глаза снова стали обычными — усталыми, старыми, человеческими.

— Ты не понимаешь... — прошептал он, но Кай не слушал. Он уже бежал дальше, сквозь расступившуюся толпу, мимо застывших фигур, мимо криков и шёпотов, которые теперь звучали не как угроза, а как эхо.

Голоса призраков не исчезли, но стали тише. «Город уже мёртв», — шептали они.

«Но королевство ещё живо», — мысленно ответил Кай.

Рынок остался позади, растворился в дыму и криках. Впереди ждали новые ловушки, новые враги, новые испытания. Но сейчас Кай знал одно: он не бросит. Ни меч. Ни свиток. Ни надежду.

Рассвет поднимался над городом, окрашивая руины в цвета крови и золота. И юный мечник мчался сквозь них, неся в руке то, что могло всё изменить.

Глава 4. «Тени в переулках: старые долги»

Переулки между домами были не просто узкими — они были злыми. Словно город сжимал их нарочно, чтобы выжать из каждого, кто сюда заходил, последние капли смелости. Стены нависали над головой, будто хотели обрушиться и похоронить всё, что напоминало о прежней жизни. Здесь не было ветра — только тяжёлое, густое молчание, в котором каждый шаг отдавался эхом, будто кто-то повторял его за Каем, но на полтона ниже, с оттенком угрозы.

Кай двигался осторожно, прижимаясь к стене, стараясь не шуметь, но тишина здесь была врагом: она делала любой звук предательски громким. Скрип сапога, лязг металла, даже дыхание — всё разносилось между домами, как сигнал. И когда из темноты впереди выступила фигура, Кай уже знал: его ждали.

Сначала он увидел не лицо, а меч — клинок, отполированный до зеркального блеска, будто его специально готовили к этой встрече. Потом — плащ, потрёпанный, но всё ещё хранящий очертания былой доблести. И наконец — лицо.

Это был Гарн. Бывший товарищ отца. Тот, кто когда-то приносил Каю яблоки с рынка и учил, как правильно держать щит, чтобы не уставали руки. Тот, кто сидел у их очага и смеялся над неуклюжими попытками мальчика повторить отцовские приёмы. Теперь он стоял напротив, и в его глазах не было ни тепла, ни воспоминаний — только холодная решимость.

— Ты вырос, Кай, — голос Гарна звучал ровно, без эмоций, будто он говорил о погоде, а не о мальчишке, которого знал с пелёнок. — Но ты всё ещё бежишь по тем же улицам, по которым бегал твой отец. Только он знал, когда нужно остановиться.

Кай не опустил клинок. Он и не мог: рука будто сама держала сталь твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

— Мне не нужно останавливаться, — сказал он, и собственный голос показался ему чужим, слишком звонким в этой давящей тишине. — У меня есть поручение.

Гарн усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Поручение, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Знаешь, твой отец тоже верил в поручения. В долг. В честь. А потом понял, что честь не греет по ночам и не спасает, когда стены рушатся.

— Он не предал королевство, — тихо, но твёрдо ответил Кай.

— Нет, — согласился Гарн. — Он погиб за него. И ты идёшь той же дорогой. Только я не хочу, чтобы ты повторил его ошибку.

Они стояли друг напротив друга, разделённые несколькими шагами и целой жизнью воспоминаний. Сталь смотрела на сталь, и в отражении клинков Кай видел не только своё напряжённое лицо, но и тени прошлого: отца, смеющегося над какой-то шуткой Гарна; мать, подающую им хлеб; самого себя, маленького, цепляющегося за отцовский плащ.

— Отойди, — сказал Кай. — Я не хочу сражаться с тобой.

— А у тебя нет выбора, — ответил Гарн, и в этот момент маска спокойствия треснула. В его голосе прорвалась боль, старая, глубоко спрятанная. — Ты не понимаешь, что здесь происходит. Этот город уже продан. Его судьба решена. Твой свиток — просто красивая бумажка, которая ничего не изменит.

— Тогда позволь мне самому решить, что он значит, — сказал Кай, и в тот же миг Гарн сделал шаг вперёд.

Сталь встретила сталь с оглушительным звоном, который разорвал тишину переулочка, как удар молнии. Первый удар был не для раны — он был для проверки, для ощущения силы противника. Второй — уже для дела. Гарн двигался не как враг, а как учитель, показывающий ученику, чего тот ещё не знает: каждый его выпад был укором, каждый блок — напоминанием о том, чему он когда-то учил мальчика.

— Держи локоть ниже! — рявкнул он, отбивая удар Кая. — Ты открываешь бок!

— Я не на тренировке! — выкрикнул Кай, уходя в перекат и нанося удар снизу, который Гарн едва успел парировать.

— Именно поэтому ты умрёшь! — гаркнул в ответ бывший соратник отца, и в этом крике было столько горечи, что Кай на мгновение замер.

Слова летели вместе с ударами: упрёки, воспоминания, обвинения. Гарн кричал о том, что королевство бросило город, что клятвы ничего не стоят, что долг — это просто слово, которым сильные заставляют слабых умирать. Кай не отвечал словами — он отвечал сталью, каждым движением доказывая, что даже если мир рушится, есть вещи, которые нельзя бросить.

Бой становился всё яростнее. Клинок Кая звенел, вибрировал, будто сам хотел вырваться из руки, чтобы ударить сильнее, быстрее, решительнее. Гарн был сильнее, опытнее, но в нём была тяжесть — тяжесть предательства, тяжесть выбора, который он уже сделал. А в Кае была лёгкость отчаяния — та самая, что заставляет идти вперёд, даже когда знаешь, что шансов почти нет.

В какой-то момент Гарн споткнулся о обломок камня, и этого мгновения хватило. Кай ударил, вкладывая в движение всю свою ярость, весь страх, всю решимость. Клинок скользнул по броне, нашёл цель, и Гарн отшатнулся, хватаясь за бок. Кровь медленно проступала сквозь ткань, тёмная, густая, пахнувшая пеплом и горечью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.